

УДК 340.1
ББК 67.0
DOI 10.52433/01316761_2023_05_03
EDN: PUUYBS

АЙНУР РАЗИФОВИЧ ГИЛЬМУЛЛИН

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПРАВА И ОБЩЕСТВЕННОЙ МОРАЛИ С ПОЗИЦИИ РАЦИОНАЛЬНО- ЭГАЛИТАРНОГО ПОДХОДА К ПОНИМАНИЮ ПРАВА

AINUR RAZIFOVICH GILMULLIN

THE RELATIONSHIP BETWEEN LAW AND PUBLIC MORALITY FROM THE PERSPECTIVE OF RATIONAL EGALITARIAN APPROACH TO UNDERSTANDING THE LAW

Аннотация. В настоящей статье выявлены особенности исторического формирования и современного развития общественной морали, раскрыты ее фундаментальные признаки. В частности, отмечается, что присущая моральным ориентирам неопределенность и их прогрессирующая разбалансированность в глобальном масштабе существенно осложняют регулирование социальных отношений, приводят к произвольному интерпретированию общественной морали и навязыванию моральных представлений отдельных индивидов, одних социальных групп другим. Отдельно обосновывается оригинальная идея о праве как о равной форме свобод и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека. Автор приходит к выводу, что право как социальное явление, обладающее сущностью и формой, а также выступающее единственным официальным средством государственной регуляции общественных отношений, способно рационализировать и структурировать содержание (представления и принципы) общественной морали и тем самым существенно повысить ее роль и потенциал как неформального регулятора.

Ключевые слова: правопонимание, рационально-эгалитарная теория, общественная мораль, свобода, государственное регулирование, сущность права, разумное равенство, равная форма, сохранение природы человека

Abstract. The present article reveals the specifics of historical formation and modern development of public morality and discloses the fundamental features thereof. It is noted, in particular, that uncertainty inherent to moral guidelines and their progressive imbalance on a global scale significantly complicate the regulation of social relations, which leads to arbitrary interpretation of public morality and imposition of moral views of certain individuals or social groups on the others. The original idea of law as an equal form of freedom and responsibility based on the imperative of preserving human nature is specially substantiated. The author reaches the conclusion that law as a social phenomenon with its own essence and form, being the only official means of state regulation of public relations, is able to rationalize and structure the content (ideas and principles) of public morality and thereby significantly increase its role and potential as an informal regulator.

Keywords: legal understanding, rational egalitarian theory, public morality, freedom, state regulation, essence of law, reasonable equality, equal form, preservation of human nature

**АЙНУР РАЗИФОВИЧ
ГИЛЬМУЛЛИН**

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
доцент кафедры теории и истории
государства и права,
кандидат юридических наук
г. Казань, Россия

**AINUR RAZIFOVICH
GILMULLIN**

Kazan (Volga Region) Federal University,
Associate Professor of the Department
of Theory and History of State and Law,
Candidate of Laws
Kazan, Russia
gilmullinainur@yandex.ru

Ссылка для цитирования статьи:

Гильмуллин А.Р. Взаимосвязь права и общественной морали с позиции рационально-эгалитарного подхода к пониманию права // Российская юстиция. 2023. № 5. С. 3–11.

Проблема взаимосвязи права и морали не перестает быть актуальной, с одной стороны, в силу особой культурно-исторической значимости данных социальных явлений для общества, государства, международных институтов, а с другой стороны, ввиду того, что, на наш взгляд, до настоящего времени сохраняется неопределенность в установлении онтологических и аксиологических оснований права и морали, позволяющая непринужденно смешивать данные социальные регуляторы, подвергать их произвольному влиянию со стороны политических, экономических и культурных систем, а тем самым – поддерживать и продуцировать стихийные процессы по их интерпретации и апроприации как в науке, так и на практике.

Как и на более ранних этапах изучения рассматриваемой проблемы, в современной отечественной правовой доктрине в основном преобладают точки зрения, что мораль выступает основанием права либо право рассматривается как минимум морали (В.С. Соловьев). Так, например, по мнению Р.З. Лившица, «право – это часть морали, обладающая потенциальной принудительной силой»¹. Согласно позиции А.В. Полякова и Е.В. Тимошиной «право основывается на общественной морали (нравственности)»². А.С. Кобликов же утверждал: «Многие правовые нормы закрепляют не

что иное, как нравственные требования»³. При этом не все ученые-юристы разделяют данную позицию. Академик В.С. Нерсисянц, в частности, подчеркивал: «Либертарно-юридическая теория различения права и закона (позитивного права) направлена как против легизма (юридического позитивизма), так и против смешения права с моралью, нравственностью и другими видами неправовых социальных норм»⁴. Б.С. Шалютин и И.В. Кисель разделяли идею о том, что «наличие в моральной регуляции атрибутивного сопереживательного компонента коренным образом разделяет право и мораль»⁵.

В рамках настоящего анализа ставится цель, осветив некоторые исторические аспекты формирования и развития общественной морали, раскрыть ее фундаментальные признаки и далее определить ее связь с правом в контексте рационально-эгалитарной трактовки права. В целях достижения поставленной цели мы будем исходить из научной позиции, что термины «этика», «мораль», «нравственность» приблизительно однотипны по своему этимологическому содержанию и имеют схожие истории возникновения⁶.

³ Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. М., 1999. С. 10.

⁴ Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М., 2015. С. 86.

⁵ Шалютин Б.С., Кисель И.В. Происхождение и сущность права и государства: учебник. Курган, 2012.

⁶ Этика: учебник для бакалавров / под ред. А.А. Гусейнова. М., 2013. С. 13.

¹ Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 2001. С. 88.

² Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. СПб., 2005. С. 147.

В предыдущих исследованиях⁷ был сделан вывод о том, что многообразные социальные отношения, возникающие в ходе исторического развития протообществ, способствовали раскрытию биологических (инстинктов, эмоций, наследственности, приспособленности к окружающей среде и т.д.) и социальных особенностей природы человека, которые становились объектом рационального осмысления и сортировки, т.е. разумного отбора поведенческих моделей с целью генерирования оснований, способствующих устойчивости процессов жизнедеятельности и развития человека. В частности, эмоции человека, побуждающие его совершать действия в интересах других людей, вызывали сознательное доверие со стороны членов данного общества и воспринимались как имеющие благоразумный характер, тем самым формируя моральные основания данного общества. Франс де Вааль справедливо отмечал: «Желание принадлежать к общности, быть вместе, любить и быть любимым заставляет нас делать все возможное, лишь бы сохранить хорошие отношения с теми, от кого мы зависим»⁸. Аналогичные выводы были сделаны и Ч. Дарвином, который указывал, что «человек находится под сильным влиянием желаний, одобрения и порицания своих сотоварищей, выраженных в их движениях или словах, и общественные инстинкты... остаются до сих пор побудительной причиной его благороднейших поступков»⁹. Данные суждения подтверждают тезис о том, что онтологические признаки общественной морали (нравственного закона) исходили из естественной привязанности человека к определенной социальной группе. Именно общественная мораль как комплекс представлений и принципов, основанных на оказании помощи, сопереживании, нанесении вреда другому человеку, в целом — стремлении к достижению моральных социальных коммуникаций на самых ранних этапах социализации, обеспечивала сплоченность и безопасность членам общества.

Представления об общественной морали, сформированные в разные исторические периоды под натиском социально-политических пертурбаций (социальных эволюций, конфликтов, кризисов), постепенно подвергались пере-

осмыслениям и трансформациям. Возникали новые смыслы и формы выражения, исходящие из религиозных мировоззрений о моральных требованиях. Как правило, в тех цивилизациях, в которых религия продолжала оказывать значительное влияние на социально-политические процессы, содержание общественной морали сохраняло свою зависимость от религиозных канонов как единственно истинных и непоколебимых установок.

Общественно-экономическая формация, сопровождавшаяся динамическим развитием социальных процессов в западноевропейской культуре, в эпоху Нового времени побудила к переосмыслению средневековой морали. Под влиянием доктрин и практик гуманизма, либерализма, консьюмеризма изначальные моральные ориентиры и принципы (в том числе исходящие из религиозной догматики) были подвержены новой интерпретации. В конечном итоге на смену религиозной методологии управления обществом, основанной на трансцендентальных приемах, пришел рациональный метод, на основе которого продолжились перемены социальных ценностно-смысловых ориентиров в направлении либерализации и эгалитаризации общественных отношений.

В целом в процессе социальной эволюции и постепенной рационализации всей системы отношений в содержание общественной морали проникали разные аксиологические критерии и представления, отражающие взгляды той или иной социальной группы и общности, последствия политических, экономических, культурных переустройств. В результате данные трансформации привели к дезинтеграции моральных основ, появились новые моральные системы: политические, религиозные, корпоративная мораль, мораль современной молодежи и т.д. Таким образом, конкретные поведенческие действия со временем становились объектом все большего (в том числе и противоречивого) количества моральных оценок и интерпретаций, не говоря уже о разобщении взглядов при выборе ответственности за совершение тех или иных деяний. Все это в конечном счете привело к плюрализму моральных оценок и трактовок природы и поведения человека, его свобод и ответственности. Например, чилийский философ Д. Салас Соммэр пишет о том, что «отдельные сексуальные привычки, прежде считавшиеся отклонениями, теперь называют «разнообразием сексуальной жизни»¹⁰.

Мировая тенденция к трансформации содержания (ориентиров) общественной морали

⁷ Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 61–77.

⁸ Вааль де Ф. Истоки морали: в поисках человеческого у приматов. М., 2016. С. 324.

⁹ Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / под ред. акад. Е.Н. Павловского. М., 1953. С. 225.

¹⁰ Салас Соммэр Д. Мораль XXI века. М., 2013. С. 20.

естественным образом продолжила усугубляться в современный период. Как отмечает В.Д. Зорькин, «ничем не ограниченный плюрализм культурных и моральных норм, которые все настойчивее укореняются в социальной практике большинства развитых стран мира, неуклонно хаотизируя общественную жизнь, имеет тоже «постмодернистское» происхождение»¹¹.

На сегодняшний день моральные принципы в разных цивилизациях, государствах и обществах носят явно диверсифицированный характер, обусловлены в том числе их религиозной, идеологической, культурной идентичностью. Доминирующие в одном обществе принципы морали могут не совпадать с принципами морали другого общества, принципы морали одного государства могут не совпадать с принципами морали другого. Как тонко подмечает Д. Салас Соммэр, «в мире не существует единого мнения по поводу морали, зато существует негласный сговор потреблять одинаковые товары»¹². Несмотря на это, важно признать, что во многих странах и цивилизациях базовые моральные принципы все же имеют схожее аксиологическое значение и способствуют упорядочиванию социальных отношений, прививают уважение людей друг к другу.

Кроме того, было бы неверно говорить о том, что базовые принципы общественной морали со временем изжили себя, окончательно растеряли свой идеолого-регулятивный и аксиологический потенциал и значение для социума. Данные принципы продолжают действовать в общественном сознании и функционировать как на макроуровне (в политических, экономических процессах, религиозной сфере и т.д.), так и на микроуровне (в семейных отношениях, быту и т.д.), но только сугубо в разрозненных (автономных) формах и трактовках.

В целом, рассматривая общественную мораль как отражение основополагающих и универсальных принципов¹³, призванных регулировать социальные отношения, стоит признать, что, исходя из сложившейся на сегодняшний день глобальной (мировой) практики, общественная мораль переживает не самые лучшие времена и нуждается в фундаментальном переосмыслении. На современном этапе содержание базовых моральных ценностей если не игнорируется, то зачастую под влиянием

современных глобальных мегатрендов (глобализации мировой экономики, универсализации миграционных потоков, полицентризации и т.д.) произвольно (исходя из собственных интересов) трансформируется. Не говоря уже о том, что для безудержных принципов консьюмеризма, провозглашающих возможность достижения превосходства только через потребление, базовые моральные принципы откровенно становятся препятствием на пути к успеху.

Различного рода заявления и действия публичных деятелей, иных признанных авторитетов, а равно документы программного, нормативного характера, которые отсылают ко «всему положительному и моральному», зачастую не содержат никакой рациональной и обоснованной аргументации и логики, а подаются исключительно как трансцендентальные идеалы и принципы, которым необходимо следовать и повиноваться по причине типа «надо, и всё», «так было всегда», «меня так учили». Примерно об этом высказывался еще В.И. Ленин: «Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать интересы тех или иных классов»¹⁴.

В философской науке под воздействием современных научных изысканий также происходят пертурбации, которые требуют фундаментального осмысления. Так, по мнению академика В.С. Стёпина, «изменения, происходящие в современной науке и фиксируемые в научной картине мира, коррелируют с напряженными поисками новых мировоззренческих идей, которые вырабатываются и шлифуются в самых различных сферах культуры. Это и поиски новой религии, и переосмысление старой... и создание «новой этики»¹⁵.

Другой актуальной проблемой, непосредственно относящейся к вопросам взаимосвязи права и общественной морали, на наш взгляд, выступает сложившаяся начиная со второй половины XX в. и активно насаждаемая на официальном уровне естественно-правовая традиция в правопонимании. В ее основе лежат абстрактные естественные права человека, которые в контексте концепта правового государства постепенно стали играть ключевую

¹¹ Зорькин В.Д. Право против хаоса. М., 2018. С. 50.

¹² Салас Соммэр Д. Указ. соч. С. 39.

¹³ Апресян Р.Г. Понятие общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р.Г. Апресяна. М., 2009. С. 25.

¹⁴ Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма (март 1913 г.) // Ленин В.И. Полное собр. соч. 5-е изд. Т. 23. М., 1973. С. 47.

¹⁵ Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М., 2006. С. 358.

роль во всех сферах жизнедеятельности человека. В конечном итоге «парад» естественных прав привел к тому, что традиционные социальные регуляторы начали постепенно утрачивать свое былое значение и роль либо просто произвольно истолковывались в контексте либеральных ценностей. Проблемное значение в данном случае имеет не то, что такие политико-правовые процессы в принципе возникали и сопровождались расширением прав и свобод человека, а то, что такое расширение протекало в отсутствие рационального на то основания (сущностного осознания и смысла), т.е. в условиях отсутствия пределов расширения таких свобод и логико-системной (последовательной) деятельности по их реализации. Это приводило к необоснованной дисквалификации каких-либо моральных границ между людьми. Человек, осознав, что является носителем индивидуальных прав и свобод, а также исходя из окружающих его факторов (место проживания, политика, экономика, культура, религия, традиции, образование, воспитание, профессия, социальный статус и т.д.) стал оценивать и трактовать нормы общественной морали с учетом необходимости удовлетворения собственных интересов. В этом смысле совершенно точны выводы о том, что «мораль, несомненно, возникла для внутригруппового употребления и не оглядывалась на человечество в целом»¹⁶.

Еще одной актуальной проблемой в контексте настоящего анализа выступает современное восприятие основ юридической ответственности и сформированная на их фундаменте правовая культура, исходящая из известного лозунга: «Разрешено все, что не запрещено законом», то есть культура, поддерживающая сугубо эгоцентристские (прагматические) методы удовлетворения потребностей и создающая основания и стимулы для безответственного (манипуляционного) поведения по отношению к окружающему миру и уж тем более к традиционным неписаным этическим ценностям.

Думается, что нет необходимости подробно освещать все реальные и потенциальные риски и угрозы для существования и развития конкретного человека, общества, государств, международных отношений, связанные со сложившимися и усиливающимися в общественном пространстве трансцендентально-индивидуальными (хаотичными, субъективными) ориентирами на то, что есть добро и зло. Отметим лишь, что нынешнее неоднозначное состояние морально-нравственных ориентиров создает серьезные предпосылки для активизации

нигилистических и анархических тенденций в обществах и государствах, прямо отражается на их политико-правовом, экономическом и культурном положении. Кроме того, сумбур и неопределенность моральных ориентиров становится в том числе основанием для заражения или выхолащивания фундаментальной роли морали, порождения в обществе разного рода неформатных и деструктивных практик, развития маргинализационных процессов.

Таким образом, проведенный выше анализ позволяет сделать следующие выводы.

Общественная мораль, безусловно, всегда обладала внушительным значением и потенциалом для социального бытия, в том числе для возникновения и развития правовых систем. Однако, как показала эволюция социальных коммуникаций, моральные представления о добрых и плохих поступках обладали свойством циклично и закономерно трансформироваться под влиянием формирующихся систем взглядов и мировоззрений, социально-политических преобразований, принимали разные социальные значения и последствия, что находило свое прямое отражение в содержаниях свобод и обязанностей, в методах их обеспечения. Присущая моральным ориентирам неопределенность и их прогрессирующая разбалансированность в глобальном масштабе существенно усложняли и продолжают усложнять регулирование социальных отношений, приводят к произвольному интерпретированию и навязыванию моральных представлений отдельных индивидов, одних социальных групп (государств) другим. Как пишет Стивен Пинкер, «в морализации есть много такого, чего следует опасаться: путаница понятий нравственности, статуса и чистоты; соблазн морализаторства в оценочных суждениях, тем самым оправдывающих агрессию против тех, с кем мы не согласны»¹⁷.

Действия, совершенные в соответствии с принципами общественной морали, исходят не из объективных научно аргументированных оснований, а из сложившихся в общественном сознании абстрактных ориентиров (представлений) поведения, которые каждый человек осознает и соблюдает в силу своей субъективности. То есть ориентация на то, чтобы любые социальные поступки совершались определенным образом и во имя абстрактно «добраго» – во имя соблюдения общественной морали, позволяет каждому давать оценку «доброму» (общественной морали), исходя из собствен-

¹⁶ Вааль де Ф. Указ. соч. С. 333.

¹⁷ Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М., 2018. С. 346.

ного (субъективного, произвольного) сознания и окружающей культурной среды. Как отмечает в связи с этим академик А.А. Гусейнов, «никто не может авторитетно выступать от имени общественной морали, исторически не сложились и, по сути, невозможны субъекты, которые в рамках разумного разделения труда были бы уполномочены (сертифицированы) обществом делать это»¹⁸.

При этом моральные свободы (действия/бездействие), вытекающие из субъективности каждого человека и, как правило, преследующие «добрые» цели, не всегда могут соответствовать объективным процессам жизнедеятельности и развития каждого человека. Иначе говоря, невозможно исключать, что свободы и запреты, реализуемые во имя достижения какой-либо «высшей моральной цели» или в целях поддержания состояния единства общества, станут выражать иной произвольный смысл (вседозволенность, насилие, угнетение, волюнтаризм) и тем самым нести не пользу, а вред человеческой природе.

Отсутствие научно аргументированного основания (признака) общественной морали позволяет приспособлять (спекулировать) ее принципы к разным направлениям и результатам человеческой деятельности, в том числе обосновывать произвольность и субъективизм таких действий.

Раскрыв некоторые ключевые признаки общественной морали, перейдем непосредственно к вопросу о ее взаимосвязи с правом в его рационально-эгалитарной трактовке.

Нельзя не согласиться со следующей позицией А.А. Гусейнова: «Мораль в том, что касается самого способа ее существования, мораль как реальный объект и предмет науки значительно уступает праву в ясности и определенности и уже по этой причине, не говоря об остальных, не может быть критерием (основанием, измерением, пределом) по отношению к нему»¹⁹. При этом, на наш взгляд, позиция философа относительно права нуждается в уточнении, поскольку современное состояние фундаментальной области юридической науки – правопонимания, т.е. сущности права, также можно охарактеризовать как неопределенное, что существенно осложняет процессы, связанные с правотворчеством и реализацией права. Как отмечал С.С. Алексеев, «при всей важности моральных начал в жизни людей последовательно философское понимание права требует того, чтобы

оно получило самостоятельную, «суверенную» трактовку и обоснование»²⁰.

Исходя из рационально-эгалитарной трактовки права, под правом понимается *равная форма свобод и ответственности, основанных на императиве сохранения природы человека, обеспечение которой осуществляется в процессе государственной регуляции общественных отношений*. Раскроем основные положения данной трактовки, касающиеся непосредственно его связи с общественной моралью.

Во-первых, рационально-эгалитарное правопонимание – это выведенное посредством разумного отбора рациональное (научно обоснованное) знание (закон правогенеза), позволяющее целостно и системно выразить объективное понятие и назначение права, а также нивелировать возникновение спорных и двусмысленных интерпретаций его сути.

Во-вторых, наличие императива (сохранения природы человека) в основе свободы свидетельствует о присутствии рационального основания (сущности) в праве, не допускающего возможности произвольного наполнения и интерпретации содержания свободы. Под императивом сохранения природы человека понимается рациональное (объективно-научное) основание (мера) свободы человека, включающее требования по обеспечению каждому человеку устойчивых процессов жизнедеятельности и развития, т.е. требования, гарантирующие рациональное и безопасное поддержание жизнедеятельности социума (а именно каждого человека) и изменение его качества, не создавая при этом угроз и не нанося ущерба человеческой природе.

В-третьих, только равная форма преобразует свободу, основанную на императиве сохранения природы человека, в *правовую свободу*, тем самым создавая рациональные основания для равенства в свободе²¹.

Отсюда следует, что свобода, исходящая из требований права, это не юридическое дозволение, основанное на природе человека и ограниченное только свободой другого человека (в духе естественного права), а выраженное в равной форме дозволение, основанное и ограниченное императивом сохранения природы человека. Значит, претензия каждого человека на признание его свободы в качестве правовой зависит от соотносимости такой свободы

¹⁸ Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. 2018. № 8. С. 14.

¹⁹ Там же.

²⁰ Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7: Философия права и теория права. М., 2010. С. 71.

²¹ Гильмуллин А.Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 165.

с императивом сохранения природы человека и соответствия ему.

В конечном результате, с одной стороны, обеспечивается рационализация свободы, а именно мера свободы, лежащая в основе равной формы, приобретает определенность, зависимую от конкретного императива, тем самым купируется возможность произвольного установления и интерпретации свободы; с другой стороны, посредством равной формы обеспечивается рациональное распределение (планирование) правовых свобод, а также уравнивание и подчинение всех единой (одинаковой) нормативной форме.

Таким образом, действия, совершаемые в соответствии с требованиями права, исходят из определенной рациональной субстанции сущности права — свободы, основанной на императиве сохранения природы человека и выраженной в равной форме в процессе государственной регуляции общественных отношений. Наличием рационального основания, т.е. сущности права в его рационально-эгалитарной трактовке, исключается возможность совершения каких-либо произвольных, субъективных (а именно противоречащих рациональной сущности) действий/бездействия и принятия случайных решений.

В-четвертых, как результат государственной регуляции общественных отношений право получает свое выражение в предписаниях нормативного (общеобязательного) характера, обеспечиваемых механизмом государственного обеспечения (принуждения). Г. Кельзен указывал: «...только включение в определение права элемента принуждения дает четкий критерий, позволяющий выделить право среди других социальных порядков»²². В этом — государственном обеспечении рационального (или рационально-эгалитарного) равенства, т.е. равенства в свободе, основанной на императиве сохранения природы человека, — заключается основополагающий признак права и отличие правовой свободы от интерпретации свобод в рамках других социальных регуляторов.

Итак, с позиции рационально-эгалитарной трактовки права моральные свободы, принципы и категории могут быть признаны и выступать официальными или вспомогательными (факультативными) средствами государственной регуляции общественных отношений лишь постольку, поскольку не пренебрегают и не противоречат сущности права как онтологической основе правовых законов и иных элемен-

тов правовой системы общества. То есть там, где обеспечивается государственное регулирование общественных отношений в соответствии с правом в рационально-эгалитарном его понимании, моральные и иные идеологические ценности допустимы в пределах, не противоречащих сути права или же в смысле, истолкованном в соответствии с императивами права.

Следовательно, право не претендует на роль фундаментального источника общественной морали (политической, религиозной, корпоративной, бытовой, морали современной молодежи и т.д.) — оно лишь устанавливает правовой (рациональный) предел ее официального признания — соответствие правовой сущности. Наличием правового (рационального) предела общественной морали (политической, религиозной, корпоративной, бытовой, морали современной молодежи и т.д.) обеспечивается правовая защита свободы тех лиц, чья свобода основана на праве, т.е. на императиве сохранения природы человека, и выражена в равной форме (правовая свобода).

Кроме того, эффективность правовой системы общества по объективным причинам обусловлена функционированием и укреплением неформальных регуляторов (традиций, этики, этикета), соответствующих правовой сущности, а также повышением их регулятивного потенциала для социума, особенно в тех областях социальной жизнедеятельности, в которых регуляция правом нецелесообразна. Сходную мысль высказывает и Н.В. Варламова: «Право признает и защищает в равной мере различные моральные (и религиозные) порядки, одновременно определяя пределы их действия: уважение свободы и формального равенства всех членов правового сообщества, в том числе и придерживающихся иных моральных и религиозных норм»²³.

Здесь уместно подчеркнуть, что речь не идет о тотальном поглощении правом общественной морали; предполагается лишь установление рационального (правового) предела допустимого признания и применения моральных свобод, принципов и категорий в процессе государственной (официальной) регуляции общественных отношений.

При этом в ходе процессов правотворчества и реализации правовых законов (законов, соответствующих праву), т.е. в рамках упорядочивания правовой материи, генерируется

²² Kelsen H. General Theory of Law and State. N.Y., 1961. P. 75–76.

²³ Варламова Н.В. Право и мораль: соотношение в контексте различных типов правопонимания // Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М., 2014. С. 62.

идеолого-мировоззренческий образ (содержание) права. В частности, формируются рациональные представления о добре и зле, правде и лжи, хорошем и плохом, добросовестности и злоупотреблении и т.д., иными словами, формируется определенный (основанный на сущности права) *моральный дух права (правовая культура)*, исходящий из конкретных (а не произвольных, субъективных) рациональных оснований. В связи с этим, с одной стороны, право в его рационально-эгалитарной трактовке формирует и насаждает в обществе те или иные системные ценности, участвующие в формировании мировоззрения, процессах образования и воспитания, т.е. в формировании определенной (основанной на сущности права) общественной морали. Иными словами, право способно выступать субстанцией по отношению к общественной морали.

С другой стороны, в результате признания или непризнания определенных морально-нравственных норм право систематизирует (структурирует) и рационализирует общественную мораль, усиливает моральные ценности, обеспечивающие рациональную (т.е. исходящую из равной формы свободы, основанную на императиве сохранения природы человека) регуляцию общественных отношений, тем самым сокращая неопределенность и обеспечивая объективное (научно обоснованное) формирование ее содержания. В этом смысле точны слова французского философа эпохи Просвещения К.А. Гельвеция: «Сделать людей добродетельными можно только посредством хороших законов»²⁴.

Таким образом, на основе вышеприведенного анализа можно прийти к *следующим выводам*.

Во-первых, выявленные в ходе настоящего исследования признаки общественной морали позволяют заключить, что общественная мораль не может выступать основанием (иметь преимущество) по отношению к праву как явлению, обладающему (а) формальной определенностью (нормативностью) и принудительностью, (б) рациональной, (научно обоснованной) сущностью (идеей). Признаки общественной морали свидетельствуют о наличии в ее содержании не объективных, научно аргументированных оснований, а субъективных (внутренних, иррациональных) представлений (ориентиров и оценок) каждого отдельно взятого лица, общества (государства) о ценностях и запретах, которые представляются таковыми также исходя из субъективных (внут-

ренних) представлений (ориентиров и оценок) данных субъектов. Это создает предпосылки и состояние всеобщей произвольности в социально-экономических и политико-правовых коммуникациях, а также не исключает негативных последствий и сценариев развития для социума и государства.

В свою очередь, в основе права с позиции рационально-эгалитарной концепции аккумулярованы объективные (рациональные) знания об особенностях и закономерностях политико-правового развития человека, общества и государства, выведенные в процессе разумного отбора.

Во-вторых, право и общественная мораль, хотя и различаются по своим аксиологическим, онтологическим и гносеологическим признакам, с позиции рационально-эгалитарной трактовки права способны выступать когерентными (взаимосвязанными) социальными регуляторами.

Право как социальное явление, обладающее определенными признаками – сущностью (онтологией) и формой (эмпирикой), а также выступающее единственным официальным средством государственной регуляции общественных отношений, способно некоторым образом рационализировать и структурировать содержание (представления и принципы) общественной морали и тем самым существенно повысить ее роль и потенциал как неформального регулятора. Из этого следует, что право не нацелено на тотальную узурпацию общественной морали или на произвольное вторжение в культурно-исторические, морально-нравственные особенности какого-либо общества и государства. Такая трактовка права никак не соответствовала бы его подлинному смыслу с позиции рационально-эгалитарной концепции права. Рассматриваемая концепция права исходит из необходимости укрепления неформальных регуляторов (традиций, этики, этикета) и повышения их регулятивного потенциала для социума в рамках правовой сущности. Следовательно, в случаях возникновения противоречий и неопределенностей между требованиями общественной морали и позитивного права (законами государства) в процессе государственной регуляции общественных отношений (правотворчества, правореализации) именно право (как выражение определенной рациональной сущности) выступает критерием (ориентиром, мерой) для принятия окончательного и справедливого решения. В этом смысле общественная мораль и позитивное право представляются элементами постоянного диалектического

²⁴ Гельвеций. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М., 1973. С. 314.

процесса, ориентированного на постижение сверхчувственной (идеальной) сущности (истины) права. Право нацеливает общественную мораль и позитивное право на определенное основание, придает им не столько тотальное, сколько рациональное функционирование, наполняет их содержание объективными (обоснованными) смыслами (ценностями).

На наш взгляд, взаимодействие общественной морали с правом в его рационально-эгалитарной трактовке существенно повышает значение и роль общественной морали как дополнительного, факультативного и неформального средства регуляции социальных отношений и разрешения конфликтов. Общественная мораль способна выступить преофициальным и превентивным средством в процессе социального взаимодействия, снизить конфликтность в обществе и повысить доверие людей к праву и морали как взаимосвязанным явлениям, а также перестроить общественное восприятие правовых институтов как единственно возможных механизмов для достижения благополучия и справедливости в обществе и государстве.

Библиографический список

1. Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. [+ Справоч. том]. Т. 7: Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. 520 с.
2. Апресян Р.Г. Понятие общественной морали // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы / под ред. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 15–35.
3. Вааль де Ф. Истоки морали: В поисках человеческого у приматов. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 376 с.
4. Варламова Н.В. Право и мораль: соотношение в контексте различных типов правопонимания // Взаимодействие права и морали: материалы Международной научной конференции / отв. ред. Т.А. Сошникова. М.: Изд-во Московского гуманитарного ун-та, 2014. С. 56–63.
5. Гильмуллин А.Р. Гипотеза о разумном равенстве в свободе: основные положения // Государство и право. 2023. № 1. С. 162–167.
6. Гильмуллин А.Р. Сохранение человечества как фундаментальное основание права // Антиномии. 2021. Т. 21. Вып. 1. С. 61–77.
7. Гельвеций. Сочинения: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1973. 646 с.
8. Гусейнов А.А. Мораль и право: линия разграничения // Lex Russica. 2018. № 8. С. 7–22.
9. Этика: учебник для бакалавров / под ред. А.А. Гусейнова. М.: Юрайт, 2013. 569 с.
10. Дарвин Ч. Сочинения. Т. 5. Происхождение человека и половой отбор. Выражение эмоций у человека и животных / под ред. акад. Е.Н. Павловского. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1953. 1040 с.
11. Зорькин В.Д. Право против хаоса. М.: Норма: ИНФРА-М, 2018. 367 с.
12. Кобликов А.С. Юридическая этика: учебник для вузов. М.: Норма: ИНФРА-М, 1999. 168 с.
13. Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма (март 1913 г.) // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 23. М.: Политиздат, 1973. С. 40–48.
14. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М.: БЕК, 2001. 224 с.
15. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2015. 560 с.
16. Пинкер С. Чистый лист: Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. 388 с.
17. Поляков А.В., Тимошина Е.В. Общая теория права: учебник. СПб.: ИД С.-Петербур. гос. ун-та, Изд-во юридического факультета С.-Петербур. гос. ун-та, 2005. 472 с.
18. Салас Соммэр Д. Мораль XXI века. М.: Кодекс, 2013. 480 с.
19. Стёпин В.С. Философия науки. Общие проблемы: учебник для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук. М.: Гардарики, 2006. 384 с.
20. Шалютин Б.С., Кисель И.В. Происхождение и сущность права и государства: учебник. Курган: ДАММИ, 2012. 118 с.
21. Kelsen H. General Theory of Law and State. N.Y.: Russell & Russell, 1961. 516 p.